

— По вашим лицам я вижу, о чем вы думаете: «Что этот парень тут забыл? Выглядит как иностранец. Наверное, ведущий ошибся, и он сейчас начнет танцевать», — Ци Шэцзян говорил в умеренном темпе, озвучивая мысли зрителей, и те понимающе улыгнулись.

— Эх, честно говоря, я и сам не хотел выходить. Но мама настояла, чтобы я показал свои таланты, — Ци Шэцзян знал, как знаменита Ся Ивэй, и тут же использовал её для «чжагуа» (подшучивания над близкими). — Моя мама, вы все её знаете: нежная, красивая. С самого детства в нашем доме никогда не было «воспитания палкой». Она всегда воспитывала меня рукой.

Эта внезапная острота (баофу — «узелок с шуткой») заставила зал прыснуть.

Все знали Ся Ивэй, она только что стояла здесь, и зрители начали подзадоривать артиста — ведь сама Ся Ивэй наверняка всё еще была в здании!

Благодаря упоминанию матери и идеальному ритму Ци Шэцзяна, обычная шутка заиграла новыми красками.

— Так что мне пришлось выйти, — продолжил Ци Шэцзян. — Иначе, чего доброго, она хлопнет себя рукой по лбу и пойдет жаловаться всем, какой я непочтительный сын!

Зрители снова рассмеялись, на этот раз громче, а затем по залу пронеслось одобрителное «И-и-и!». Сначала Ци Шэцзян сказал, что она воспитывала его рукой (все подумали — била), а следующим поворотом перевернул смысл: оказывается, она бьет себя, сокрушаясь о его поведении!

В юморе «кривая логика рождает смех». Никто на сцене не воспринимал это как правду о Ся Ивэй. Шутка про «хлопнуть себя по лбу и обвинить в непочтительности» была старой классикой, но в исполнении Ци Шэцзяна она легла идеально.

— Ах, этот мальчишка... — Ся Ивэй в ложе не знала, смеяться ей или плакать.

Но на душе стало тепло. Они много лет не были близки, и то, что сын использовал её образ для шуток, она восприняла как знак особого расположения.

Обычно перед основным сюжетом артисты сяньшэна говорят «дяньхуа» — вступительные забавные речи. Это помогает разогреть атмосферу, вызвать интерес и понять предпочтения публики, чтобы скорректировать выступление. Ци Шэцзян сначала «усмирил» зал стихами, затем забросил пару шуток про себя и мать в качестве разведки — это была чистая импровизация, «сяньгуа». Она требует колоссальной реакции.

Увидев, что шутки «выстреливают» одна за другой, а зрители расслабляются и начинают слушать текст, а не просто снимать его лицо, он плавно перешел к делу.

— ...Что до моей матери, она типичная кинозвезда: любит всё прекрасное и не терпит ничего некрасивого в жизни. Поэтому в истории, которую я вам сейчас расскажу, главный герой тоже должен быть красавцем.

Так Ци Шэцзян умело перешел от Ся Ивэй к основной части («жухо»).

— Эта история случилась не так давно, в годы правления Сяньфэна. В городе Чанчжоу жил один бездельник по имени Ян Хаошань. Он и есть наш герой. Был он сиротой, ни родителей, ни родни, да и соседи его недолюбливали. Насколько не любили? Когда у Чжао с соседней улицы

украли добро, первым делом подумали на него. Судья попался бестолковый, рассудил дело тупляк и упек парня за решетку.

— У Ян Хаошаня никого не было, замолвить словечко некому, подмазать стражу — тоже. Не прошло и полмесяца, как он умер от истощения в тюрьме! Это слово «истощение» («юй») — оно пишется не как «глупость», Ян Хаошань не по глупости в тюрьме помер, а от болезней. Раньше условия в темницах были жуткие, тюремщики — не сахар, и многие узники, даже не приговоренные к смерти, умирали от холода, голода или заразы. Вот так и он — сгинул ни за что. Скажите, обидно ведь?

Дыхание Ци Шэцзяна было ровным, он четко выговаривал каждое слово, идеально выдерживая ритм. Хотя шутки в этой части встречались реже, чем во вступлении, он уже полностью завладел вниманием людей. После пары абзацев у зрителей возник вопрос: «Как этот бездельник, умерший в тюрьме, может быть "красивым героем"? В чем подвох?»

— Попал Ян Хаошань в загробный мир и давай жаловаться на несправедливость. Владыка Яньван запросил отчет у местного божества-хранителя, и тот подтвердил: парня надо оправдать и отпустить. Ян Хаошань говорит: «Я же помер! Что толку в оправдании? Выпустите меня неприкаянным призраком бродить?» Яньван отвечает: «Не бойся, я не чета тому бестолковому судье. Твое тело на свалке уже смердит, это верно. Но как раз сейчас у двоих живых срок жизни вышел. Можешь занять чужое тело, вернуться в мир живых, дожить свои годы и заодно честное имя восстановить. Выбирай — дам два варианта».

— Ян Хаошань обрадовался: еще и выбирать можно! Яньван говорит: «Первый вариант — невестка того самого Чжао, что на тебя ложный донос накатал. Второй вариант — законная жена того самого судьи, что тебя засудил. Ну, кого берем?»

Зал взорвался хохотом и одобрительными криками. Теперь всё стало ясно! Вот почему герой «красивый» — парню предстояло стать женщиной. Интерес публики взлетел до небес.

Этот монолог назывался «Ошибочное переселение души». История о том, как бездельник Ян Хаошань, несправедливо умерший в тюрьме, возвращается к жизни в теле жены судьи. Мужчина в женском теле — эта завязка порождала массу нелепых и комичных ситуаций.

Ци Шэцзян одним лишь голосом создавал образы четырех-пяти персонажей, и каждый был как живой. Даже мужчину, прикидывающегося женщиной, он изображал невероятно достоверно. История лилась сама собой, перемежаясь шутками и нелепыми деталями. Зрители слушали затаив дыхание, и полчаса пролетели незаметно.

Но на этом рассказ не закончился. Это был средний по объему монолог, рассчитанный на три части. Сегодня он явно не успевал досказать всё. История прервалась на моменте, когда судья возжелал близости с женой, а бездельник в её шкуре в панике начал срывать с себя одежду и толкать судью с криком: «А ну, иди сюда, если смелый! Я тебя сегодня пришибу!»

«Пах!» — Ци Шэцзян ударил брусом, давая понять, что номер окончен.

Зрители, уже полностью погруженные в историю, разразились смехом. Осознав, что рассказ оборвался на самом интересном месте, многие почувствовали разочарование — всем хотелось знать, чем дело кончилось!

Если бы они не видели этого своими глазами, они бы не поверили, что этот молодой красавец, о котором говорят как о молчаливом и зажатом человеке, обладает таким красноречием. Полчаса без остановки болтать — и это называется «молчун»? Тогда все остальные в зале

просто немые!

Толпа разразилась бурными аплодисментами, а Ци Шэцзян, отвесив элегантный поклон, быстро сошел со сцены.

...

В ложе.

Лю Цюаньхай слушал всё выступление с широкой улыбкой. Текст был ему незнаком — скорее всего, это был уникальный репертуар того самого зарубежного учителя. Наверное, это действительно был старый мастер, уехавший за границу, иначе откуда взялись стольким забытым сюжетам?

Ему стало интересно, сколько еще таких «утраченных» историй знает Ци Шэцзян. Если так, то даже без ясной родословной этот юноша — бесценная находка для сохранения жанра. С ним обязательно нужно дружить.

Что же касается таланта Ци Шэцзяна, Лю Цюаньхай мог только вздыхать от восхищения: техника безупречна, подача классическая! Современные комики часто переделывают шутки под злобу дня, гонясь за новизной. Ци Шэцзян же выступал в абсолютно старой манере. У него почти не было модных шуточек; он полагался исключительно на собственное мастерство — умение держать внимание, контролировать ритм и заставлять людей смеяться самим текстом.

Одну и ту же шутку один расскажет так, что все умрут со смеху, а другой вызовет лишь неловкость. В этом и заключается личный уровень артиста. Каждое слово, каждая фраза — кажутся случайными, но за ними стоит колоссальный труд.

Монолог сяшэнь особенно требователен к умению рассказывать истории и создавать персонажей. Плохой рассказчик не вытянет шутку. История должна быть и смешной, и убедительной одновременно. И это выступление стало для всех демонстрацией его фундаментальной, отточенной и виртуозно применяемой техники!

Конечно, из-за того, что манера исполнения была подчеркнута старинной, сразу определить школу было трудно — казалось лишь, что она в общих чертах напоминает стиль некоторых великих мэтров прошлого.

На самом деле Лю Цюаньхай слишком много надумал. Причина была проста: Ци Шэцзян еще недостаточно глубоко изучил этот временной пласт. Он даже с телефоном толком не справлялся, так как же он мог подстроиться под современные тренды?

Ся Ивэй, стоявшая рядом, молчала. Она тоже смеялась вместе со всеми, погрузившись в историю, но после смеха пришло время раздумий.

Джесси добился успеха. Но неужели она действительно позволит ему уйти в эту профессию?

— Госпожа Ся, вы не очень одобряете желание ребенка выступить с сяшэнем? — спросил Лю Цюаньхай.

Ся Ивэй очнулась и рассеянно кивнула:

— Не то чтобы совсем, просто...

Лю Цюаньхай понимающе улыбнулся:

— Просто вам кажется, что по сравнению с кино и пением это выглядит не слишком перспективно. Так?

— Я не это имела в виду, — поспешно возразила Ся Ивэй. — Господин Лю, я просто хочу ребенку добра. Я не хотела вас обидеть, но ведь ваше ремесло — это тяжелый хлеб. Я сегодня привела его сюда именно для того, чтобы он посмотрел на изнанку сцены.

— Я понимаю, родительское сердце всегда болит за детей, — вздохнул Лю Цюаньхай. — Но Джесси рожден для этой чаши риса. Сразу видно, что в нем пробудился талант. К тому же он последний наследник Цзыдишу. Это касается не только нашей гильдии сяншэна, но я искренне за него переживаю. Я все же надеюсь, что вы дадите ему шанс, хотя бы попробовать. В крайнем случае, он может стать артистом трех направлений. Кино, музыка и сяншэн — «артист трех стихий», как вам такое?

Ся Ивэй не выдержала и рассмеялась:

— Вы правы, господин Лю.

В конце концов, выступление Ци Шэцзяна убедило её, да и перечить сыну ей больше не хотелось.

...

В тот вечер Лю Цюаньхай и Ци Шэцзян обменялись контактами. Мэтр был в восторге от юноши, а для Ци Шэцзяна наличие такого наставника было крайне важным.

Что касается выступления в чайной: поскольку артисты там живут за счет продажи билетов, видеосъемка была запрещена. Но когда на сцену вышли Ся Ивэй и Ци Шэцзян, реакция зала была настолько бурной, что удержать людей было невозможно — несколько фотографий и коротких видео всё же просочились в сеть.

Однако, когда Ци Шэцзян начал свой монолог, зал затих. Увлеченные историей, люди даже не думали о том, чтобы что-то снимать.

Зрители той ночи даже жаловались в сети: Ци Шэцзян выступил всего раз, историю не закончил, и где теперь искать финал? Весь всемогущий интернет не выдавал концовку.

Но если просто рассказывать об этом на словах, учитывая прежнюю репутацию Ци Шэцзяна, кто бы поверил, что его рассказ может так заворожить? Скорее поверили бы, что он просто слишком красив и этим очаровал публику. В общем, волны в океане интернета это не вызвало.

Зато обсуждали то, что Ци Шэцзян играл на саньсяне. Каков был уровень игры? Большинство в этом не смыслило, так что обсуждение быстро ушло в сторону: «Неужели Ци Шэцзян теперь станет певцом? Пойдет по стопам матери — будет петь "лицом"?»

Кое-кто даже отметил Чжан Юэ, призывая его оценить выступление, ведь именно он первым выдал «золотую цитату» о внешности парня.

Чжан Юэ, изнывая от скуки, листал ленту и наткнулся на уведомление. Он тут же вспомнил их встречу в здании «Pineapple Media». Тогда он был крайне удивлен: человек, которого он высмеял, сам подошел к нему. Чжан Юэ колебался, а Ци Шэцзян так искренне и красиво ему

улыбнулся, что у парня аж в глазах помутилось. На мгновение ему стало неловко сохранять образ холодного и острого на язык циника. И вот, когда он наконец решился ответить любезностью на любезность, Ци Шэцзян его попросту разыграл!

Злопамятный Чжан Юэ тут же сделал репост, написав: «Еще не слушал. Выглядит шикарно».

Комментарии взорвались хохотом: «Знали, что Чжан Юэ нас не разочарует!»

Чжан Юэ не слышал концертную версию песни, поэтому лениво ткнул на видео. По привычке он уже приготовил десяток колких замечаний. Началось всё с соло на саньсяне. Чжан Юэ замер. Он не разобрался в инструменте, но музыка универсальна — он чувствовал уровень. К тому же в середине Ци Шэцзян имитировал крик гуся! Этот уровень был на голову выше его собственной игры на пианино.

А когда Ци Шэцзян начал петь классику... этот резонанс, это дыхание...

Чжан Юэ: «???»

Нет, это не тот Ци Шэцзян, которого он знал!

Он перемотал назад и прослушал «Зачем "Западный флигель"» раз, два, три... Никакой фанеры, никакой имитации игры. В этом живом исполнении Ся Ивэй, может, где-то и сфальшивила, но Ци Шэцзян — ни разу!

«Черт, а поет-то он круто». Этот Ци Шэцзян какой-то странный. Почему такая огромная разница между попсой и классикой? С таким талантом — и не показывать его на шоу? Теперь его репост в Weibo выглядел крайне глупо!

Кстати о Weibo: Чжан Юэ заметил комментарий от пользователя «Лао Бай не Бай», чей аккаунт был верифицирован как мастер саньсяня провинциального ансамбля.

Тот в экстазе писал: «Чувства не передать словами! Шикарные струны! Отличная адаптация! Техника "Цяобянь сяньсы" в припеве отточена до совершенства, звук передает саму душу!»

Чжан Юэ: «.....» Он не слышал оригинал, так это еще и адаптация была?

— Лао Чжан, обед готов! — заглянул барабанщик группы, вырывая его из раздумий.

Ладно, сначала еда. Чжан Юэ отложил планшет, лениво прошел в гостиную и, напевая под нос, принялся открывать коробки с едой.

Трое участников группы переглянулись.

Спустя минуту барабанщик со сложным выражением лица спросил:

— Ты что, сейчас напевал «Зачем "Западный флигель"»?

Чжан Юэ: «.....»

«...Твою мать, этот Ци Шэцзян просто невыносим!»